

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Дж. Д.

СЭЛИНДЖЕР

*Любовь
на хлебном поле*

Москва

2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
С97

J. D. Salinger
THE CATCHER IN THE RYE

© 1945, 1946, 1951 by J.D.Salinger.
Copyright renewed 1973, 1974, 1979 by J.D. Salinger

Перевод с английского *М. Немцова*
Оформление серии *Н. Ярусовой*

Сэлинджер, Дж. Д.
С97 Ловец на хлебном поле / Дж. Д. Сэлинджер ; [пер. с англ.
М. В. Немцова]. — Москва : Издательство «Э», 2017. —
320 с. — (Всемирная литература).

ISBN 978-5-699-93030-2

Знаменитый роман Дж. Д. Сэлинджера «The Catcher in the Rye» в переводе
Макса Немцова. Перевод без цензуры и «без купюр». Непричесанный сленг глав-
ного героя Холдена Колфилда еще ярче воссоздает его обостренное восприятие
действительности и неприятие общих канонов и морали современного общества.

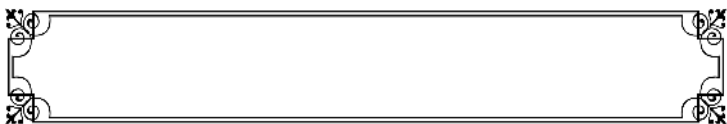
Единственный роман Сэлинджера стал переломной вехой в истории миро-
вой литературы.

У читателя есть выбор и возможность сравнить классический перевод Риты
Райт-Ковалевой и современную качественную работу Макса Немцова.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© М.Немцов, перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-93030-2

1

Если по-честному охота слушать, для начала вам, наверно, подавай, где я родился и что за погань у меня творилась в детстве, чего предки делали и всяко-разно, пока не заимели меня, да прочую Дэвид-Копперфилдову¹ херню, только не в жилу мне про все это трындеть, сказать вам правду. Во-первых, достало, во-вторых, предков

¹ Дэвид Копперфилд — главный герой-рассказчик романа английского писателя Чарлза Диккенса (1812—1870) «Личная история, приключения, жизненный опыт и наблюдения Дэвида Копперфилда-младшего из Грачевника в Бландерстоне (ни в коем случае не предназначавшиеся для печати)» (1849—1850), который начинается с подробного изложения обстоятельств рождения героя: «Стану ли я героем повествования о своей собственной жизни, или это место займет кто-нибудь другой — должны показать последующие страницы. Начну рассказ о моей жизни с самого начала и скажу, что я родился в пятницу в двенадцать часов ночи (так мне сообщили, и я этому верю). Было отмечено, что мой первый крик совпал с первым ударом часов...» (пер. А. Кривцовой, Е. Ланна). — *Здесь и далее прим. переводчика, кроме оговоренных особо.*

бы по две кондрашки хватило, если б я стал про них чего-нибудь личное излагать. Они насчет такого чувствительные, особенно штрик. Не, они *нормальные* всяко-разно, я ничего не хочу сказать, но чувствительные, как не знаю что. А кроме того, так я вам и выложил всю автобиографию, ага. Я вам только про безумное расскажу, что со мной случилось на прошлое Рождество, перед тем как меня шарахнуло и пришлось отвалить сюда расслабляться. То есть это я и Д.Б. рассказывал, а он мне *брательник* всяко-разно. Живет в Голливуде. От этих своясей недалеко — считай, каждые выходные в гости ко мне приезжает. И домой меня отвезет, когда я, наверно, туда через месяц поеду. Он только что «ягуар» себе прикупил. Английская хрень такая, двести миль в час выжимает. Выкатил за него аж четыре штуки. У него теперь грóшей много. А *раньше* вот не было. Раньше он обычный писатель был, когда жил дома. Сочинил уматную книжку рассказов — «Тайная золотая рыбка» называется, если не слыхали про него. Лучший рассказ там — эта «Золотая рыбка» и есть. Про пацана, который никому свою золотую рыбку не показывал, потому что он ее на свои деньги купил. Я чуть не сдох. А теперь он в Голливуде, Д.Б. то есть, — собой торгует. Кино это я просто ненавижу — как мало что. Про кино вы мне лучше и не заикайтесь.

Я вот откуда начну — с того дня, когда свалил из подготовишки Пенси. Это такая школа в Эйджерстауне, Пенсильвания. Слыхали, наверно. Ну, рекламу точняк видали. Они ее в тыще журналов ляпают — там еще всегда какой-нибудь ферт на лошади через забор прыгает. С понтом, в Пенси мы только в поло и играем. Я там даже в *окрúге* ни одной лошади вообще не видал. А под фертом на лошади всегда написано: «С 1888 года мы лепим из мальчиков великолепных здравомыслящих юношей». Это для лохов. Ни шиша в Пенси не лепят, такая же школа, как другие. И никого великолепного или здравомыслящего я там тоже не встречал. Ну, может, парочку. И то много. Да и те, наверно, *до школы* такими были.

Короче, в ту субботу был футбол с Саксон-Холлом. В Пенси играть с Саксон-Холлом — всегда кипиш. Последний матч года, и если Пенси не выиграет, прям хоть в петлю. Помню, часа в три стою аж на самой вершине Томсен-хилла, возле этой долбанутой пушки, что в Американской революции бабахала всяко-разно. Оттуда стадион хорошо видать и как обе команды по всему полю мясят. Трибуны разглядишь не сильно, зато как орут — слышно, со стороны Пенси зашибись хай стоит, потому что туда вся школа, считай, вывалила, но без меня, а от Саксон-Холла — совсем

сопливо и хило, потому что гости поля почти никого с собой вообще не привезли.

Девчонок на футболе почти не бывает. Подружек водить разрешается только старшим. В общем, жуткая школа, как ни посмотри. Мне-то в жилак, если хоть иногда девчонок видно, пускай они там чешутся, сморкаются, или хоть пускай хихикают, или еще как-то. Эта Селма Тёрмер — она директорская дочка — на футбол вполне себе часто ходила, только по таким, как она, сохнуть как-то не очень. Но ничего девка, путёвая. Я как-то с ней сидел в автобусе из Эйджерстауна, и мы чуток даже потрепались. Мне понравилась. Шнобель у нее дай боже, ногти все обкусанные, и кровь от заусенцев запеклась, а лифчик с подкладкой и топорщится во все стороны, но ее все равно как-то жалко. А мне в ней понравилось, что она не лепит тебе всякий навоз, мол, какой у нее штрик четкий. Наверно, сама знает, что он дутый халдей.

А на верхушке Томсена я стоял и на игру не пошел вот почему — я только что вернулся из Нью-Йорка с командой по фехтованию. Я, на фиг, заведовал фехтовальной командой. Не хрен собачий. Утром мы поехали в Нью-Йорк на турнир со школой Макбёрни. Только никакого турнира у нас не было. Я, на фиг, забыл все рапиры и прочее в метро. Но я тут не сильно крайний.

Там же все время вставать надо было — на карту глядеть, чтоб не проехали. В общем, в Пенсии мы вернулись где-то в полтретьего, а не к ужину. Бойкот такой от целой команды всю обратную дорогу в поезде. Даже смешно местами.

А еще футбол смотреть я не стал потому, что шел попрощаться с этим Спенсером, он у меня историю вел. Спенсер свалился с гриппом, и я прикинул, что, наверно, до рождественских каникул его не увижу. А он мне записку написал, дескать, хочет встретиться, пока я домой не уехал. Знал, что в Пенсии я больше не вернусь.

Про это я забыл сказать. Меня вышибли. После каникул я и не должен был возвращаться, потому что провалил четыре предмета, не брался за ум и всяко-разно. Меня неоднократно предупреждали, чтоб я взялся за ум, особенно в середине семестра, когда предки являлись на беседу с этим Тёрмером, но я не брался. Вот и выперли. Из Пенсии частенько вышибают. Там очень хорошая академическая успеваемость. Куда деваться.

В общем, декабрь и всяко-разно, колотун, как у ведьмы за пазухой, особенно на верхушке этого дурацкого холма. А на мне только двусторонняя куртейка и никаких ни перчаток, ничего. За неделю до этого у меня сперли верблюжье пальто прямо из комнаты, а в кармане были перчатки на меху и всяко-разно. В Пенсии

жуликов пруд пруди. Многие из таких богатеньких семей приезжают, а все равно жулья полно. Чем дороже школа, тем больше в ней жуликов, точно вам говорю. Ладно, стою рядом с долбанутой пушкой, гляжу вниз, где футбол идет, а жопа подмерзает. Только футбол я, в общем, не очень смотрел. Я чего там валандался — я, с понтом, хотел попрощаться. Ну то есть, я и раньше сваливал — и из школ, и так, что даже не дорубал, сваливаю или нет. Терпеть не могу. Да наплевать, сопли там на прощанье или вопли, но когда я сваливаю, мне надо *знать*, что я сваливаю. Иначе еще хуже.

Мне повезло. Я вдруг подумал такое, от чего мне сразу стало ясно, что меня, на фиг, тут больше нет. Вспомнил, как где-то в октябре мы с Робертом Тихнером и Полом Кэмпбеллом мячик пинали перед главным корпусом. Они путёвые парни, особенно Тихнер. Время как раз к ужину, почти стемнело, а мы всё пинаем. А темнеет, мяча нам уже почти и не *видно*, только бросать не хочется. Но пришлось. Из окна главного корпуса этот биолог высунулся, мистер Замбези, и велел нам в общагу двигать, готовиться на ужин. Вот когда у меня получается такую хренотень вспомнить, прощание выходит, если надо, — считай, почти всегда. И как только получилось, я развернулся и дернул вниз по другому склону, к дому

этого Спенсера. Он жил не на территории. На авеню Энтони Уэйна¹.

Я добежал аж до главных ворот, а там притормозил на секундочку, дух перевести. Дыхалка у меня слабая, если по-честному. С одной стороны, я дымлю как паровоз — то есть, дымил. Заставили бросить. А с другой, за последний год я *вырос* на шесть с половиной дюймов. Потому и ТБ, считай, подхватил, и сюда приперся — все эти анализы сдавать и прочую херню. Но вообще-то я здоровый.

Ладно, я отдышался и рванул через Трассу 204. А она вся обледенела, как не знаю что, и я там чуть не грохнулся. Фиг вообще знает, зачем бежал — наверно, просто хотелось. А за дорогой вдруг понял, что как бы исчезаю. День вообще долбанутый, неслабая холодрыга, никакого ни солнца, ничего, и как дорогу перейдешь — такое чувство, будто исчез.

В общем, ух как я жал на звонок, когда до этого Спенсера добрался. Весь заледенел. Уши болят, а пальцы почти и не шевелятся.

— Давай, давай, — говорю вслух; ну, почти, — открой же мне кто-нибудь *дверь*.

¹ Энтони Уэйна (1745—1796) — американский генерал, прославился во время Войны за независимость и в конфликтах с индейцами, за храбрость получил прозвище «Бешеный Энтони».

Наконец эта миссис Спенсер открыла. У них ни горничной не было, никак, двери они всегда сами открывали. Грошей у них немного.

— Холден! — говорит миссис Спенсер. — Как приятно тебя видеть! Заходи же, дорогой мой! Ты до смерти замерз?

Наверно, она мне обрадовалась. Я ей нравился. Или мне так кажется.

Ух как я рванул внутрь.

— Вы как, миссис Спенсер? — спрашиваю. — Как мистер Спенсер?

— Давай мне куртку, дорогой мой, — отвечает она. Не расслышала, как я про мистера Спенсера спросил. Она как бы глуховата.

Повесила мою куртку в платяной шкаф, а я, с понтом, волосы пятерней себе пригладил. Я часто стригусь под ежик, причесывать там особо нечего.

— Как у вас дела, миссис Спенсер? — снова говорю я, только громче, чтоб услышала.

— Дела превосходно, Холден. — Она закрыла дверцу шкафа. — А как у *тебя*? — И по тому, как она это спросила, я понял: этот Спенсер ей рассказал, что меня выперли.

— Отлично, — говорю. — Как мистер Спенсер? Одолеет уже свой грипп?

— Одолеет! Холден, да он ведет себя, как совершенный... Я даже не знаю, *что*... Он у себя, дорогой мой. Ступай прямо к нему.

У них у каждого по своей комнате всяко-разно. Им обоим где-то под семьдесят, а то и за. Но им в жизни много чего зашибись — хоть у них и выходит как-то несуразно. Я знаю, погано так говорить, но я не хотел погано. Я в смысле, что об этом Спенсере нормально так много думал, а если думать о нем *слишком* много, непонятно, за каким хреном он вообще живет на свете. Ну то есть: весь скрюченный, осанки никакой, и если на уроке роняет мел у доски, кому-нибудь из первого ряда приходится вставать и ему поднимать. Жуть, по-моему. Но если думать о нем не *слишком*, а просто, выходит, что ему, в общем, в жилу. Например, как-то в воскресенье мы с парнями заходили к ним на горячий шоколад, он нам показал старое индейское одеяло, все тертое — они с миссис Спенсер купили его у какого-то навахо в Йеллоустоунском парке. И по всему видать: этому Спенсеру покупать одеяло было зашибись. Я вот как раз о чем. Такое старичье, как Спенсер, — и ему зашибись покупать одеяло.

Дверь к нему была открыта, но я как бы все равно постучал — из вежливости и всяко-разно. Я видел, где он сидит. Сидел он в большом кожаном кресле, весь завернутый в это самое одеяло. Поднял голову, когда я постучал.

— Кто там? — орет. — Колфилд? Заходи, мальчик мой.

Если не на уроке, он всегда орет. Иногда действует на нервы.

Едва я вошел, так сразу и пожалел, что вообще приперся. Он читал «Атлантик Мансли», везде валяются пилюли и лекарства, и все вохнет «Виксом» — каплями в нос. Вполне себе тоска. Мне больные вообще не очень в струю. А еще тоскливей от того, что этот Спенсер сидел в халате, таком убогом и обтерханном, будто родился прямо в нем или как-то. Не сильно-то и в жилу смотреть на старичье в пижамах и халатах. Эти груди вечно трясутся. И ноги. У старичья на пляже и везде ноги всегда такие белые и лысые.

— Здрасьте, сэр, — говорю. — Я получил вашу записку. Большое спасибо. — Он же написал мне, чтоб я зашел попрощаться до каникул, раз я больше не вернусь. — Не надо было, чего вы? Я бы все равно зашел.

— Садись сюда, мальчик мой, — говорит этот Спенсер. В смысле — на кровать.

Я сел.

— Как ваш грипп, сэр?

— Мальчик мой, да будь мне получше, врача вызывать надо было б. — Тут он развеселился. Закудахтал как ненормальный. Потом наконец взял

себя в руки и говорит: — А почему ты не на стадионе? Мне казалось, сегодня главный матч.

— Ну да. Я там был. Только я из Нью-Йорка только что приехал с фехтовальной командой, — говорю. Ух у него кровать — как камень.

Тут он стал серьезный, как не знаю что. Я так и думал.

— Так ты, значит, нас покидаешь? — говорит.

— Да, сэр. Наверно.

Он давай себе кивать. Так никто никогда столько не кивает, как этот Спенсер. И никогда не знаешь, он столько кивает оттого, что всяко-разно думает, или просто потому, что путёвый такой дед, который жопу от локтя не отличит.

— И что тебе сказал доктор Тёрмер, мальчик мой? Я так понимаю, у вас с ним была беседа.

— Была. Еще какая. Часа два, наверно, у него в кабинете.

— И что он тебе сказал?

— Ой... ну, что Жизнь — игра и всяко-разно. И как играть в нее надо по правилам. Не, он нормально так излагал. Ни заводился, ничего. Только триндел, что Жизнь — игра, всяко-разно. Ну, в общем.

— Жизнь и *есть* игра, мальчик мой. Жизнь и *есть* игра, в которую играют по правилам.

— Да, сэр. Это я знаю. Знаю.